

МАЯКОВСКИЙ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

В июле исполняется 90 лет со дня рождения Владимира Маяковского. Дата эта, естественно, выльется во всенародный праздник поэзии, и праздничное слово, конечно же, будет сказано. А в преддверии праздника не обойтись без дискуссий, тем более что

они уже начались, — они всегда сопутствовали Маяковскому при жизни и после смерти. Да и сам поэт был блистательным полемистом, непрерывно с кем-то дискутировал. Он и ушел из жизни с сожалением, что не доспирал со своими оппонентами.

КАЗАЛОСЬ, что, поскольку давно уже кончилось время «непонимания» поэта, эффект его присутствия в культурной жизни беспорочен — плодотворность его традиций ни в кого не должна вызывать сомнений. Выходили и выхлывали многочисленные работы о Маяковском, в том числе и фундаментальные исследования — В. Перцова, А. Метченко и других. Академическая наука не упускала из поля зрения первого поэта революции. Об этом свидетельствуют и недавние серьезные исследовательские работы Б. Гончарова, Ф. Пицкель, А. Субботина. Школа, в том числе и высшая, с трудом преодолевая инерцию казенного, догматического «внедрения» Маяковского в умы молодежи, ищет пути его творческого освоения.

И самое главное, что внушало и внушает оптимизм насчет долгой жизни Маяковского в поэзии, в сознании народа, в его культурной сокровищнице, — это его продолжение в других, его традиции в творчестве и таких выдающихся поэтов, как Леонид Мартынов, Ярослав Смеляков, и более молодых, ныне здравствующих. И наконец, то обстоятельство, что творчество Маяковского как феномен искусства XX века — революционное по духу, по содержанию, по всем слаемым — продолжает оставаться неким бродильным началом даже и для тех, кто отталкивается от него, прокладывает свой путь, пользуясь иным снаряжением.

Обратимся к Твардовскому, крупнейшему после Маяковского русскому поэту. Эти два явления в поэзии — как два пика в горной гряде — настолько отличаются друг от друга по своим очертаниям, что кое-кто склонен рассматривать их как два полюса, два направления в поэтическом развитии. Такое размежевание возможно по признакам выразительности, стиля, («снаряжения»), тематическим предпочтениям, но не по генеральному направлению их творчества.

Еще Асеев уловил, хотя и не сформулировал, общность государственного взгляда на жизнь, который так присущ Маяковскому и который так ярко проявился потом у Твардовского в «Василии Теркине» и особенно в поэме «За далью — даль». Ощущение державного величия страны, величия народа, ее хозяйина, поэтизация чувства долга и ответственности каждого человека перед страной, перед ее народом и перед человечеством — вот общие черты в творчестве двух поэтов и одна из генеральных тем всей советской поэзии.

Твардовский это понимал лучше многих из тех, кто писал о нем и кто хотел бы развести его с Маяковским по разным руслу поэтического развития. Как человек, мыслящий не масштабами стихотворного околотка, а масштабами культуры, Твардовский говорил: «...он (Маяковский. — А. М.) всеми силами своей поэтической души рвался из своего малого времени в свое большое, перспективное время. И это сообщает его поэзии... устойчивую долговечность».

Об этом хотелось бы напомнить тем, кто суетится у подножия и видит только очертания вершин, но не берет пробу скальных грунтов.

Можно еще напомнить и о том беспорочном, широко признанном влиянии Маяковского

на творчество крупнейших революционных поэтов мира, влияния, какого не имел, по-видимому, ни один русский поэт за пределами своей страны.

СТАКОЙ мощной аргументацией, казалось бы, можно быть спокойным за судьбу творческого наследия и традиций Маяковского, и ныне, в год его девяностолетия, подводить предварительные итоги победного шествия к читательской массе. Ведь Маяковского действительно читают, он по-прежнему будоражит сердца и умы людей.

Все это так, и тем не менее подспудные дискуссии вокруг творческого наследия и личности и носят острый характер. В кулуарах различных собраний, пленумов, на творческих встречах писателей, в обсуждениях конкретных проблем и явлений литературы, литературной критики всплывают некоторые концепции, искажающие подлинный облик великого поэта революции, предлагающие вневещную интерпретацию его творчества. Маяковский, как явление живое, продолжающееся, революционное и новаторское, вызывает разное к себе кузовое отношение, и в этом нет ничего удивительного.

Поэзия сейчас — в заметных тенденциях — ориентируется на классические традиции, в этом тоже нет ничего настоящего или непродуктивного. Хотя, разумеется, безразлично, каким именно традициям прошлого отдается предпочтение. Русская классическая поэзия бесконечно богата и разнообразна, и способна удовлетворить самый взыскательный вкус, но славу и величие ее составляет прежде всего идея служения своему народу, Отечеству, свободе и человеческому братству.

Не удивительно ли после этого, что находятся литераторы, которые пытаются отделить Маяковского от классической поэзии, провести между ними демаркационную линию. Но ведь именно он-то ярче, мощнее, если хотите — определеннее развил эту традицию в советской поэзии, придал ей новую социальную окраску.

Так нет, эта, повторяю, великая традиция почему-то некоторыми не берется в расчет, о ней не вспоминают, зато слышится высокопарное бормотание насчет красоты и истины, как будто Маяковский был чужд тому и другому, высказываются запальчивые реплики или молодого Маяковского времен «Пощечины общественному вкусу», или произнесенные в горячей дискуссии и потому заостренные, или, что

еще сомнительнее как аргумент, переданные не дословно в газетных отчетах о дискуссиях.

По этой же методике приводятся реплики и высказывания, в которых-де Маяковский выразил свое нигилистическое отношение к классике, к культурному наследию прошлого. Оно-де, как было у молодого Маяковского, так и сохранилось до последних дней жизни. При этом, конечно, не вспоминаются зрелые высказывания поэта, его стихи концептуального характера, не берется в расчет магистральное направление творчества. Такое понимание поэта чревато грубыми ошибками.

Напрасны также попытки противопоставить Маяковскому Есенина. Их взаимоотношения, во-первых, никак нельзя рассматривать вне той групповой борьбы, тех яростных полемик между различными литературными кружками двадцатых годов с их радикальными «программами» и «манифестами», которые характеризуют литературную ситуацию этого времени. В пылу полемических схваток, подогреваемых мелковатым имажинистским и ЛЕФовским окружением, с той и другой стороны были высказаны резкие и несправедливые характеристики. Но стоит повнимательнее прислушаться к Маяковскому, к тому, что он говорил уже после смерти поэта, прочесть его стихотворение «Сергею Есенину» (с учетом опять-таки ситуации, вызванной его смертью), и картина существенно прояснится.

Маяковский вспоминает о последних встречах с Есениным, о том, что они были «без малейших раздоров», что Есенин тянулся к нему и к Асееву, что он, Маяковский, «с удовольствием смотрел на эволюцию Есенина: от имажинизма к ВАППу». И именно Маяковский, а не «друзья» Есенина, сказал о нем достойное слово в стихах, слово суровое, горькое, уважительное, но и не делающее уступки в главном — в отношении к жизни и смерти.

Низы дерутся, а вершины сходятся, — это было сказано по другому поводу, но очень подходит к данной коллизии. Непремено сошлись бы Есенин с Маяковским, они уже начали сходить, вопреки их мелковатому окружению. И вряд ли надо сейчас делать акцент на их разногласиях. Следует отличать истинное, глубинное, то, что объединяло двух великих поэтов, — служение поэзии, служение народу — от всплесков групповой борьбы.

СУЩЕСТВУЕТ тенденция сводить основной пафос поэзии (да и всего творчества Маяковского) к антибуржуазности, к антимещанству. Слов нет, это сильнейшая сторона творчества поэта, драматурга, публициста Маяковского. Но оно, творчество, предстает сильно обедненным без идеала, за который боролся поэт, который он утверждал словом и делом. Недаром Цветаева издавала заметила: «Единственный выход из его стихов — выход в действие».

Маяковский прежде всего — создатель.

Для него действие — не только разрушение старья, борьба с мещанством, бюрократизмом, невежеством и чванством, но и строительство новой жизни, утверждение новых человеческих отношений.

Надо ли повторять, что такие выдающиеся создания Маяковского, как поэмы «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо!», «Во весь голос», как многие стихотворения второй половины двадцатых годов не укладываются в концепцию антибуржуазности и антимещанства, что они и сегодняшнему читателю близки прежде всего пафосом революционного переустройства мира.

На этом фоне методологически беспомощными и жалкими выглядят попытки показать Маяковского трагической фигурой, художником, якобы противопоставившим себя классической поэзии, которая-де была озабочена истиной и красотой искусства, а эгоцентризм Маяковского породил самовыражение. Увы, это не домашнее изобретение, тут слышен отголосок советологической концепции, согласно которой послеоктябрьский Маяковский якобы вступил в трагическое противоречие со своим талантом, подчинив его революционным идеям.

Нравственное богатство, социальная определенность и активность личности, аккумулировавшей в себе идеи века, личности, которая раскрывается в лирике Маяковского, — как раз и дает огромные перспективы всей советской поэзии. В том, как обогащалась эта личность идейно и нравственно, как обретала общность с революционным классом, с народом, с какою покоряющей искренностью и душевной открытостью это выразилось в стихах и поэмах — и состоит творческий феномен Маяковского. Истина и красота так же неотделимы от него, как убеждения и вера. Не надо только при этом забывать, что понятие о красоте и истине отнюдь не застывшее нечто, а диалектически меняющееся в своем содержании.

Иные «интерпретаторы» Маяковского пелются за отдельные слова и метафоры поэта, трактуют их вневещно, трактуют их попросту вульгаризаторски. Вот как, например, истолкована в одной из статей метафора из поэмы «Хорошо!»: «Это время гудит телеграфной струной, это сердце с правой вдвоем». «Я не оспариваю это, — пишет критик, — но «телеграфная струна» сама по себе пуста, любое сообщение, переданное посредством ее, есть факт, а еще не правда» («Литературное обозрение» №10, 1978). Оспаривая в конце фразы то, что в начале обещал не оспаривать, критик делает вид, будто не замечает метафорического смысла строк Маяковского, не замечает, что «телеграфная струна» в него не пуста, что это «время гудит телеграфной струной». Как не принимает в расчет, видимо, и самого времени — времени революции, когда правда пошла в бой на неправду.

Путь Маяковского, чье творчество стало классикой советской поэзии и достоянием мировой культуры, — это путь борьбы и поисков места художника в великом переустройстве мира, начатом в Октябре 1917 года. Предстоящее 90-летие со дня рождения поэта должно стимулировать глубокое творческое освоение его наследия и обережение его от вульгаризаторских наскоков. Не фраза, не риторика вокруг имени Маяковского, а подлинно научное, глубокое, аналитическое вчитывание в строки поэта в соотношении с идеями революции помогут воссоздать свободный от искажений образ поэта, который остается с нами, который продолжает жить во времени.

Ал. МИХАЙЛОВ.